

УДК 821.161.1 Бажов-3 + 821.161.1 Шергин + 398

Л. П. БЫКОВ

БАЖОВ И ШЕРГИН

В XX веке авторские создания П. П. Бажова (1879–1950) и Б. В. Шергина (1893–1973) демонстрировали качества, характерные для «дописьменной» поры отечественной словесности. В их сказах народное слово обнаруживает на книжных страницах естественность и выразительность устного высказывания. Сказ возвращает литературу в ту среду, из которой литература «увела» ее в сферу условности. Региональными акцентами в этих сказах, осуществляющих результативный диалог литературы и фольклора, подчеркивается национальная устойчивость художественного сознания.

Ключевые слова: сказ; фольклор; устное слово; региональный уклад; биография.

Более точной, более глубокой смысловой рифмы к Бажову, чем Шергин, в русской литературе нет.

Начнем с биографических очевидностей. Словесник епархиального женского училища Павел Бажев стал писателем Павлом Бажовым. Не слишком востребованный художник-реставратор Борис Шергин оказался писателем Борисом Шергиным. При этом, где бы ни звучало в этих фамилиях ударение, они оказываются значимыми, с прозрачной для местных говоров семантикой: Бажов (или Бажев) — от глагола *ба́жить*: ‘колдовать, предсказывать, желать’; Шергин (или Шергин) — от существительного *ше́реген*: ‘говорун, краснобай’. Так что к словесному искусству оба были предопределены, можно сказать, антропонимически.

В XX в. бородатые мужи (и литераторы тут — не исключение) — редкость. Бажов почти на всех фотографиях и на всех портретах и Шергин на своих изображениях предстают не просто бородатыми, а седобородыми. Бажов — этот, по выражению Д. Бедного, «колдун уральский бородатый» — выглядел дедушкой задолго до того, как таковым стал, а Шергин не случайно напоминал мемуаристам то Сергия Радонежского (Ю. Коваль), то старца Зосиму (Ф. Абрамов), то архангелогородского Гомера (Ал. Михайлов). Стерн когда-то удивлялся: «Как мог Гомер писать с такой длинной бородой...» — а героям этого сопоставления борода, что называется, показана: именно такая внешность и должна быть у авторов ими созданных произведений. Седобородием акцентированы житейский опыт и жизненная мудрость.

Почти ровесники — пятнадцатилетняя разница уроженцев XIX в. (Бажов родился в 1879 г., Шергин — в 1893 г.) ныне почти не замечается, — они рано стали собирать местный фольклор. Причем эта заинтересованность в первые советские годы выглядела если не чудачеством, то чем-то факультативным. «Старое народное искусство вместе со старым бытом и укладом ушло безвозвратно из нашей жизни. На его место пришла цивилизация...» [Шергин, 1924, с. 3], — подобное представление, зафиксированное в начале вступительной заметки А. К. Покровской к первой книге Б. Шергина, было тогда почти само собой разумеющимся. Так же, как

и в случае с публикацией дебютных бажовских сказов в журнале «Красная новь» (1936, № 11) и сборнике «Дореволюционный фольклор на Урале» (Свердловск, 1936), тексты Шергина были первоначально представлены фольклорными записями. Он свидетельствовал: «...это ведь запись устного репертуара моей матери» [см.: Коваль, с. 159]. Да и Бажов утверждал, что эти его сказы записаны по памяти от В. А. Хмелинина, на что, как известно, и отреагировал Д. Бедный, воспринявший эти сказы как фольклорный первоисточник, открытый для авторской переработки.

И Шергин, и Бажов утвердили в русской литературе XX в. художественный авторитет сказа. Не сказовой манеры, как у И. Бабеля или М. Зощенко, а именно сказа как жанра. В годы, когда из фольклорных жанров оставались продуктивными разве что частушка и анекдот, создания Бажова и Шергина демонстрировали качества, характерные именно для «дописьменной» поры отечественной словесности. В их сочинениях самое важное — это «живинка в слове»: народная речь на книжных страницах обнаруживает выразительность и анонимность устного сказывания. Не без лукавosti притворяющийся бесхитростной фиксацией услышанного в действительности, сказ и уральца, и помора возвращает словесность в ту изначальную среду, из которой литература увела ее в сферу книжной условности. «В Архангельске, где я родился, провел молодость, юность, живо было устное народное творчество. Кругом там пели еще былины и рассказывали сказы, предания. <...> Говорят, что в детстве усвоил, то остается на всю жизнь. А я усвоил в детстве подлинное, былинное звучание, сказы северные, подлинные» [Там же, с. 162–163], — это признание Шергина. А вот как комментировал свои первые сказы Бажов: «Воспроизведенные по памяти, притом почти через полвека, сказы Хмелинина, конечно, потеряли ценность фольклорного документа. Неизбежно кое-что могло прийти и от других сказителей, и от производившего запись» [Бажов, т. 1, с. 538]. Подобные оговорки того и другого, что они, де, взяли на себя роль прежде всего записывателей, были не столько данью скромности (хотя избыточной амбициозностью оба, в отличие от многих членов советского писательского союза, не отличались), сколько свидетельством отталкивания от сочинительства как такового, от литературности и книжности, от всего, по шергинскому выражению, «бумажного, чернильного» [Шергин, 1988, с. 144]. Сами создатели сказов, как и дорогие им персонажи их созданий, отстаивали красоту в прикладных ее проявлениях, связанных с повседневностью, а не в эстетических концентратах, именуемых искусством. Цена «художество, с которым можно жить» [Там же, с. 138], они ставили на искусность, не совместимую с искусственностью.

И поморы, живущие в сказах Шергина рекой и морем, и уральцы, породненные в сказах Бажова с горой и ее дарами, воспринимают свой вседневный труд не как повинность или зарабатывание на жизнь — он им дорог прежде всего творческим началом, он их одаряет сердечной радостью. Они — мастера своего дела, и трудовая этика у них породнена с эстетикой. Воспринимая работу на верфи как «художество», пожилой кораблестроитель в сказе Шергина говорит ученику: «Наш брат думает топором. <...> Ты ведь художник. Твоего дела тесинку возьмешь, она как перо лебединое. Погладишь — рука как по бархату катится» [Шергин, 2013, с. 214]

(«О кормишке Маркеле Ушакове»). А вот какой творческой гордостью, единящей рассказчика с персонажами, исполнен зачин самого известного бажовского сказа: «Не одни мраморски на славе были по каменному-то делу. Тоже и в наших заводах, сказывают, это мастерство имели. Та только различка, что наши больше с малахитом вожгались, как его было довольно, и сорт — выше нет. Вот из этого малахиту и выделявали подходяще. Такие, слышь-ко, штучки, что диву дашься: как ему помогло» [Бажов, т. 1, с. 51] («Каменный цветок»).

И свои собственные создания сказители воспринимали в такой же неразрывности художественного и жизненного. Еще в 1946 г. В. Перцов отмечал диалектику жанра, когда подчеркивал, что «сказы П. П. Бажова не фольклор, но нельзя ни понять, ни оценить их по-настоящему вне связи с фольклором...» [Перцов, с. 199]. Вместе с тем известно, что образ Хозяйки Медной горы имеет литературную предшественницу — Горную деву из новеллы «Руненберг» (1802) немецкого романтика Л.-И. Тика. В книге Ю. Шульмана [Шульман] развернуты примеры того, как его герой и земляк «раскнижничал» литературные сюжеты, переводя их на язык народных преданий, и преображал фольклорные истории, творя из них балладные тексты, сохраняющие родовые черты фольклора. То, что сказывали Шергин и Бажов, не было мистификацией — это было парадоксальным и вместе с тем убедительным свидетельством исчезнувшего, казалось бы, животворения. В 1947 г. Шергин стал героем скандальной истории, вызванной тем, что у опубликованной им «копии» «Морского уставца...» не обнаружилось оригинала. Да и Бажов вспоминал: «Предполагалось “разделать” меня, как фальсификатора фольклора...» [Бажов, т. 2, с. 408]. В своем «Слове о П. П. Бажове» М. Никулина резонно подчеркнула: «Он слушал МОЛВУ, тот самый фольклор, который, по его словам, еще не устоялся, “еще не сложился в полной мере”...» [Никулина, с. 12].

Бажов и Шергин не собирателями были, а художниками. И ко всем источникам относились не с научной скрупулезностью, а с творческой свободой, всегда открытой вымыслу и воображению. Они сами себя записали, сократив в себе эту промежуточную единицу — фольклориста. Талантом и усилиями таких уникалов, как Шергин и Бажов, и создавалось столетиями то словесное богатство, которое томится в фольклорных кладовых на правах музейных экспонатов (а музейные реликвии, известно, неприкасаемы).

Письменное по бытованию, слово и того, и другого устно по сути. Написанное, а звучит! Язык здесь себя в самом прямом смысле выговаривает. И потому тут, подобно поэзии, *как* не менее важно, не менее содержательно, чем *что*. Читатель, пробуждая в себе слушателя, погружается в это «веселье сердечное», получая эстетическую радость в равной степени как от сюжетных, так и от языковых перипетий.

Слово в советской литературе себя обуславливало прежде всего временем. А у Шергина и Бажова оно диктуется всецело местом. Темпоральность у них редуцирована и заземлена региональным укладом. Уралец во всем: в сюжетах и обстоятельствах, характерах и судьбах, бытовых и пейзажных картинах, Бажов прежде всего уралец в слове. В словаре, в интонации. Устами Бажова, выросшего на почве уральской истории, местного быта, здешних традиций и бытовавших тут

преданий, о себе ведает сам Урал — Каменный пояс во всей его «долговековой» протяженности. И то же самое — только с поправкой на Архангелогородчину — справедливо в отношении Шергина. Он сознавал, что «многие усмехнутся»: «Не велики, скажут, твои масштабы, не широки твои горизонты...» [Шергин, 1988, с. 137]. Меж тем прочными региональными «привязками» бажовские и шергинские сказы акцентируют не больше и не меньше как национальную устойчивость художественного сознания, не зависящего от «какого-то периода времени». «Глубокое, ценное слово о родимой стороне может сказать только тот человек, для которого его родина не есть “край”, а центр... Я исхожу из родимого дома в Архангельске» [Шергин, 1998, с. 61]. Но в этом же был убежден и автор «Малахитовой шкатулки», с той лишь разницей, что его дом находился в Екатеринбурге, временно называвшемся Свердловском.

Уральцы живут на земле Бажова. Поморы живут на земле (и воде¹) Шергина. Однажды А. Битов обмолвился, что питерец — это «чуть-чуть национальность». В сказах Шергина и Бажова себя манифестируют, соответственно, поморский и уральский этнос.

Непоказной патриотизм живого слова этих кудесников, их «русская народная линия» (Шергин) — это действенная антитеза патриотизму начетническому, казенному, конъюнктурному, фарисейскому. И закономерно сказы того и другого, не предназначавшиеся, за единичными исключениями, изначально для юной аудитории, вошли в золотой фонд отечественного детского чтения.

Но любая рифма, какой бы точной она ни была, предполагает и несовпадение рифмующихся реалий, оттеняющее их неповторимость. Отличник духовной семинарии, имевший виды и на духовную академию, Бажов священником не стал, а стал деятельным практиком социалистической нови. Как журналист, а одно время и как заведующий облитом (т. е. областной цензурой) он много лет работал, по его же выражению, «рядом с историей»². У Шергина тоже были «новины» с оглядкой на календарь. Но идеалы у него были не партийные, а христианские, что особенно отчетливо обозначилось, когда опубликовали — сначала фрагментами, а потом и книгой — его «Дневник» [Шергин, 2009]. Бажов в своих дневниковых записях мировоззренческих аспектов старался не затрагивать, равно как в сказах не касаться того, что определялось им как «религиозно-мистические мотивы» [Бажов, с. 656]. Горнему миру он явно предпочитал горный. Мир горы. И там, где у Шергина угадывается Бог, — у Бажова выведены боги, божки, тайная сила. Евангельская мифология в его сказах замещена языческой.

Если Шергин, как он сам признавался, «чувствовал в себе творческую радость до пятидесяти лет» [Шергин, 1988, с. 145], то Бажов ощутил себя художником на

¹ «А в нашей стране — вода начало и вода конец. Воды рождают, и воды погребают. Море поит и кормит... Не по земле ходим, но по глубине морской» [Шергин, 2013, с. 19].

² Едва ли можно безоговорочно согласиться с М. А. Батыным, утверждавшим, что «в работе над газетными жанрами, а в них, прежде всего, над диалогом, у Бажова формировались навыки сказовой речи, приемы и черты сказового стиля» [Батин, с. 30].

исходе шестого десятка. По-разному итожились земные дни этих мастеров. Бажов, после выхода «Малахитовой шкатулки» принятый в Союз писателей, удостоился вскоре Сталинской премии и ордена Ленина, стал Депутатом Верховного Совета СССР, много лет руководил Свердловской писательской организацией. И когда Павла Петровича не стало, в последний путь его провожал, без преувеличения, весь город. Подобных траурных процессий в столице Урала не было и не будет. А Борис Викторович, делегат Первого съезда советских писателей, доживал свой век (он ушел 80-летним), можно сказать, в одиночестве. Почти ослепший (очень рано его «глаза начали дрейфить» [см.: Коваль, с. 167], плохо слышавший, с протезом вместо ноги, — он говорил о себе: «Сижу как приколоченный» [Там же, с. 154]. А когда он умер, в прощании участвовало не более двух десятков человек, среди которых был лишь один литератор (Ю. Коваль)...

Музею Бажова — 45 лет. Мемориальная комната Шергина была открыта в Москве пять лет назад. А недавно было предпринято издание 4-томного собрания его сочинений (пока вышло два тома). Тому и другому посвящены специальные сайты в Интернете (<http://www.bazhov.ru>; <http://www.boris-shergin.ru>). Тому и другому есть памятники. Но главные им памятники — и нам, для укрепления национальной памяти, памятки — их опровергающие книжность книги. Книги, помогающие жить.

Бажов П. П. Избранные произведения : в 2 т. М., 1964. [Bazhov P. P. Izbrannnye proizvedeniya: v 2 t. M., 1964.]

Батин М. А. Павел Бажов. М., 1976. [Batin M. A. Pavel Bazhov. M., 1976.]

Коваль Ю. Веселье сердечное // Новый мир. 1988. № 1. [Koval' Yu. Vesel'e serdechnoe // Novyj mir. 1988. N 1.]

Никulina М. Слово о П. П. Бажове // Бажовская энциклопедия. Екатеринбург, 2007. [Nikulina M. Slovo o P. P. Bazhove // Bazhovskaya entsiklopediya. Ekaterinburg, 2007.]

Перцов В. Подвиг и герой: Этюды о советской литературе. М., 1924. [Pertsov V. Podvig i geroj: Etyudy o sovetskoj literature. M., 1924.]

Шергин Б. У Архангельского города, у карабельного пристанища. М., 1924. [Shergin B. U Arkhangel'skogo goroda, u karabel'nogo pristanischa. M., 1924.]

Шергин Б. Из дневников // Новый мир. 1988. № 1. [Shergin B. Iz dnevnikov // Novyj mir. 1988. N 1.]

Шергин Б. Слово о родимой стороне: Из дневников разных лет // Белый пароход. 1998. № 1(11). [Shergin B. Slovo o rodimoj storone: Iz dnevnikov raznykh let // Belyj parokhod. 1998. N 1 (11).]

Шергин Б. Проведное солнце: Дневники разных лет. СПб., 2009. [Shergin B. Provednoe solntse: Dnevniky raznykh let. SPb., 2009.]

Шергин Б. В. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 2 : Сказы. М., 2013. [Shergin B. V. Sobranie sochinenij : v 4 t. T. 2 : Skazy. M., 2013.]

Шульман Ю. Борис Шергин: запечатленная душа. М., 2003. 288 с. [Shul'man Yu. Boris Shergin: zapечатlennaya dusha. M., 2003. 288 s.]

Статья поступила в редакцию 01.04.2014 г.